

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.78-90>

**Читая «Фишера»: к формированию нового
социально-философского дискурса**

Терещенко Н.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Одной из серьезных проблем современной социальной теории в целом и социальной философии в частности является проблема выработки адекватной историческим реалиям методологии. Проблема осложняется тем, что до недавнего времени при всем внешне разнообразии, которое можно назвать ризоматичностью, методологическая палитра была западоцентристской и в этом плане монохромной. Однако необходимость пересмотра научных и философских принципов обнаружила очень серьезную проблему: в академическом сообществе проявились две противоположные тенденции, равно негативно сказывающиеся на общей картине развития теории. Первая – запуск механизм отмены любой иной знаниевой процедуры, не укладывающейся в некоторый идеологический проект. Вторая – конструирование автономного дискурса, в основе которого, однако, тоже лежит принцип негативности, так как он строится на провозглашении принципиального отличия от доминирующей процедуры (дискурса) осуществления власти через власть знания. Автор утверждает, что опыт, накопленный социальной философией в историческом срезе ее существования, необходимо пересмотреть и включить в сегодняшний теоретико-методологический арсенал. Траектории возможного включения рассматриваются через чтение работ Маркс Фишера, которые могут стать точкой сборки образов, смыслов, способов концептуализации, идей, появляющихся в социальной философии сегодня.

Ключевые слова: Капитализм, посткапитализм, капиталистический реализм, кислотный коммунизм, карта, архив, поверхность.

Для цитирования: Терещенко Н. А. Читая «Фишера»: к формированию нового социально-философского дискурса. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):78–90.

**Reading ‘Fischer’: Toward the Formation
of a New Socio-philosophical Discourse**

Tereshchenko N.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. One of the serious problems of modern social theory in general and social philosophy in particular is the problem of developing a methodology adequate to historical realities. The problem is complicated by the fact that

until recently, with all the external diversity, which can be called rhizomatic, the methodological palette was West-centric and, in this respect, monochromatic. However, the need to revise scientific and philosophical principles has revealed a very serious problem: two opposing tendencies have emerged in the academic community, which have an equally negative impact on the overall picture of theory development. The first is the launching of a mechanism for canceling any other knowledge procedure that does not fit into some ideological project. The second is the construction of an autonomous discourse, which, however, is also based on the principle of negativity, as it is built on the proclamation of a fundamental difference from the dominant procedure (discourse) of exercising power through the power of knowledge. The author argues that the experience accumulated by social philosophy in the historical cross-section of its existence needs to be revisited and incorporated into today's theoretical and methodological arsenal. The trajectories of possible inclusion are examined through a reading of Marx Fischer's works, which can become an assemblage point of images, meanings, ways of conceptualization, and ideas emerging in social philosophy today.

Keywords: Capitalism, postcapitalism, capitalist realism, acid communism, map, archive, surface

For citation: Tereshchenko N.A. Reading 'Fischer': Toward the Formation of a New Socio-philosophical Discourse. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024; (4 (67)):78–90. (In Russ.)

Введение

То, что в социальной теории возникла ситуация несоответствия языка описания предмету исследования, стало ясно уже давно. Одним из самых ярких симптомов этого несоответствия (хотя, как ни странно, не вполне очевидных) был сдвиг от гносеологии, но не к онтологии, о чем говорили очень много в рамках так называемого онтологического поворота, а к эпистемологии. Картину, приведшую к этому сдвигу, М. Фуко назвал эпистемологической паникой, которая была следствием наложения друг на друга ряда теоретических парадигм и сложности выстраивания научной, следовательно, универсальной картины исследуемого объекта. Но была еще одна причина этого сдвига. Знаниевые процедуры стали очень важными механизмами реализации властных отношений, что выразилось, например, в формировании социологии знания, концепции власти знания и т.д. Разворачивание проблематики познания в этом направлении сделало очевидным тот факт, что процесс познания все больше

и больше связывается с идеологическими и политическими реалиями, что проблема познания становится не просто проблемой поиска истины, а проблемой поиска эффективных форм управления с помощью знаниевых процедур, независимо от истинности их результатов. Именно эту ситуацию Лиотар зафиксировал в тезисе о том, что знание сегодня проверяется не на истинность, а на эффективность [1, с. 12]. В этой ситуации проявились две (как минимум) тенденции. Первая – попытка универсализировать дискурс, запустив механизм отмены любой иной знаниевой процедуры. Вторая – стремление сконструировать некоторый автономный дискурс, дающий возможность принципиально отличной от доминирующего дискурса, задающего процедуры осуществления власти через власть знания. Представляется, что оба эти пути чреваты односторонностью и формой политизированной тотальности. Мы предлагаем рассмотреть версию диалога парадигм, поиска точек соприкосновения дискурсов для понимания того, на каких

основаниях может выстраиваться новый социально-философский дискурс, в частности, в российском академическом пространстве. Дискурс, позволяющий не просто реализовывать властные стратегии, а быть действительно инструментом анализа и интерпретации наличной социально-исторической ситуации. Оговоримся сразу: это не претензия на некую теоретическую модель, а попытка найти ее возможные основания исходя из обнаруженного сходства социокультурных состояний, антропологических характеристик, напечатлевающих на современную реальность.

Методология

Методологически мы будем опираться на принцип «насыщенного описания», цель которого, в формулировке К. Гирца (оговоримся: он формирует его для антропологии, но, думается, мы можем позволить себе вольность распространения его и на социальную теорию в целом), заключается в «расширении границ человеческого дискурса» [2, с. 181]. При этом Гирц говорит, что задача состоит не в том, «чтобы ответить на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы сделать для нас доступными ответы других, ... и тем самым включить эти ответы в доступную нам летопись человечества». Снизим немного пафос «летописи человечества» и получим подход, дающий возможность включения самых разных и неожиданных сторон человеческого теоретического опыта и результатов практической деятельности в процесс выработки нового социально-философского дискурса. Главное при этом – не подшивать эти ответы друг к другу «намертво», оставляя зазоры, пробелы, возможность воздуха и дыхания.

Закавыченное имя Макса Фишера в названии, конечно, отсылает нас к работе Ж. Деррида «Страсти по «Фрейду» [3], которая, в свою очередь, показывает необходимость включения

в методологический арсенал принцип «концептуального персонажа» Делеза и Гваттари [4]. Фишер, как и Фрейд у Деррида, является для нас не столько исследуемой фигурой, сколько поводом, осью собирания разных граней теоретического и художественно-эстетического опыта, дающих возможность работы теоретического воображения, которое уже как следствие сформирует и сам образ философа, о котором идет речь. Здесь также будет работать принцип исследования культуры В.С. Библиера, который он сформулировал как принцип драматизма художественного произведения «Те же и Софья...» [5, с. 33], а следовательно, и вся традиция диалогового понимания культуры, широко представленная в отечественном дискурсе (Бахтин, Лотман и др.) Более конкретно эти подходы будут реализованы через принципы/ метафоры карты, архива и плоскости.

Результаты и обсуждения

Итак, наша задача – при выработке новых теоретических подходов и пересмотре прежних установок «не выплеснуть вместе с водой и ребенка», не уйти в теоретическое сектанство и не забыть о тех достижениях, которые были сделаны в границах мировой классической и неклассической философии XIX–XX веков. Тем более, если исходить из того, что мы живем сегодня в общей социально-исторической скобке, именуемой «капитализм» (опустим сейчас его трансформации и модификации «пост», инклюзив и т.д., и т.п.), то мы безусловно производим сходные идеи и образы, отражающие ситуацию, мы антропологически созданы одними социально-культурными механизмами. Следовательно, рефлексия этих состояний и идей не может не быть полезной. А уж потом определимся с особенностями и различиями.

Поводом к написанию этой статьи стало знакомство с курсом (недочитан-

ным) лекций Марка Фишера «Посткапиталистическое желание» [6], который должен был предварить его работу «Кислотный коммунизм», задуманную, но не написанную, существующую в некоторых набросках. Казалось бы, «что он Гекубе, что ему Гекуба?». Однако рассуждения английского культуролога, музыкального критика, блогера, как оказалось, легко резонируют с самыми разными идеями и образами иных пространств и разных времен, глубоко созвучными сегодняшним теоретическим задачам отечественной социальной философии. Объяснить такое неожиданное сходство постараемся через метафоры карты, архива и плоскости.

Карта – инструмент работы географа, археолога, этнографа, антрополога. Это схематичная фиксация поля, на котором размещен предмет теоретической деятельности. В процессе работы какие-то фрагменты карты попадают в поле нашего зрения и вдруг становятся связанными с совершенно иными зонами/ смыслами. Это то странное, уже идеализированное, то есть минимально теоретизированное поле, в котором мы находимся. Мы фиксируем точку, зону на карте и от нее выбираем направление движения, которое может меняться в зависимости от зоны захвата краев. Так, например, меняется представление об условном начале эпохи постмодерна: середина 20 века/ первая мировая война/ переходные эпохи, например, барокко/ уже Гомер/ ВСЕГДА.

Так, в метафоре карты в одно пространство попадают самые разные феномены. Например, Стюарт Джеффрис использует метафору карты, объясняя феномен постмодерна через «семейное сходство» разных явлений, попавших в горизонт этой культуры через сеть подобий и наложений друг на друга различных свойств и незначительных сходств явлений, дающих понимание единства хронотопа эпохи

[7, с. 20-21]¹. В этом «семейном сходстве» обнаруживается то, что Сильвен Тессон назвал «неизменными величинами человеческой души» [8 стр. 38].

Постмодерн, по словам Лиотара – это мироощущение современности. Это эпоха, которая отодвинула своеволие рационального и обнаружила сходства в чувственном восприятии мира человеком самых разных культур, некоторое антропологическое единство травмы, надлома, надрыва, но покинула пространство истины².

Вторая метафора – архив. Архив предлагает особый способ отбора единиц хранения: не по значимости, не по иерархии, а по неожиданно обнаруженному сходству. Здесь нет некоего единого принципа, как, например, в библиотеке, в музее: персонаж, автор, жанр. Нет и витающего духа иерархии. Значимость не идет впереди артефакта. Сопоставление, как казалось, несопоставимого приводит к втягиванию новых артефактов в пространство архива и вытеснению из поля актуального того, что вчера было значимым. Вытеснению, но не удалению. Может быть, придет время. «До Марселя Дюшана ни одному художнику не приходила в голову мысль сопоставлять «Мону Лизу» с ее деформированной репродукцией, до Деррида никто на философски значимом уровне не сравнивал мышление с мастурбацией. Каждое явление нового в основе своей является

¹ Однако здесь отметим одну важную особенность. Постмодерн пишет Джеффрис, это «зонтичный термин», охватывающий самые разные феномены, но так как они слишком разные, говорящий о них становится «ненадежным нарратором», точность оценки которого сомнительна. [7, с. 20-21]

² Даниэл Деннет говорит о целом поколении гуманитариев, «страдающих недоверием к самой идее истины и отсутствием уважения к научным доказательствам, довольствующихся «дискуссиями», в которых никто не может ошибаться и ничто не может быть доказано, а может только утверждаться любой группой, которую вы захотите собрать» [цит. по 7, с. 21].

новым сопоставлением чего-то, что до того еще не было сопоставлено, поскольку это никому не приходило в голову», – пишет Б. Гройс [9, с. 60].

Метафора карты также приводит нас к метафоре плоскости. Плоскость – это третья метафора. Это другая топология и топография дискурса. Если классика живет в ландшафте высот и глубин, то современная нам постмодернистская мысль не видит ландшафт. Все растягивается в плоскую поверхность. Обсуждая в последней из пяти лекций книгу Лиотара «Либицинальная экономика» [10], начинающуюся с многостраничного описания умозрительного растягивания тела в плоскость и поверхность, Фишер, рассуждая о значении у Лиотара концепта «великий Ноль», предполагает, что главное здесь – констатация отсутствия внутреннего и внешнего, превращения одного в другое, в котором осуществляется со-прикосновение и со-возможности близости совершенно невообразимых органо-плоскостей. Тело, растягиваемое в поверхность. Одномерность. Одновысотность, однопорядковость. Если, конечно, слово порядок здесь уместно. Иными словами, нет рельефа, нет высоты/глубины, нет иерархии, нет неизбежно возникающего при иерархии удвоения. Зрима и осязаемая имманентность. Великий Ноль [6, с. 172–174]. Везде и всегда (кстати, это слова мы находим в названии книги Джеффриса Стюарта: «Все. Всегда. Везде. Как мы стали постмодернистами»). В некоторую воронку втягивается не только пространство, но и время. Будем двигаться по (от) этой плоскости, в имманентности которой со-прикасаются очень неожиданные вещи. Это странные соприкосновения, складки, возникающие при отсутствии высоты и глубины. Как в детском стихотворении Бориса Заходера «Глобус попал под автобус»:

Возле экватора плавают льдины
Гуляют пингины в степях Украины

А по шоссе на дорогах Европы
Бегают тигры, слоны, антилопы.

Начнем со странной ассоциации, временной складки, которая не отпускала меня при чтении: Марк Фишер. Марк – апостол, а среди апостолов – рыбаки (Фишер), да мытари. Марк, евангелист, апостол из семидесяти. Сведения о нем, как и положено, противоречивые, и это не наш предмет разговора. Как полагают источники, он мог видеть Христа, но не был его учеником. Он был учеником апостола Петра. Поэтому Евангелие от Марка может быть и «евангелием глаза», и «евангелием уха». Он – апостол другого поколения призванных. Фишер родился в 1968 году. Если, по словам Мишеля де Серто, за спиной Мишеля Фуко стоял человек 68 года, то за спиной Фишера стоял человек, за спиной которого стоял человек 68 года. Он видел тех, кто видел, и слышал тех, кто слышал. Марк Фишер, который очень критично относился к термину постмодерн (хотя так от него и не избавился), принадлежал к поколению тех, кто вышел на авансцену через 20 лет после событий 68 года. Это уже рецепция постмодерна и еще больший градус ressentiment. Это своеобразный ressentiment Ницше, который проявлялся в его рассуждениях об отношении к истории: монументальное – тоска по тому, что все великое уже осуществилось, и объективистско-гербарийное – желание оставить прошлое в прошлом, все, в том числе и великое. Это ressentiment Фрейда с его Эдиповым комплексом. Сильвио Тессон задается интересным вопросом: не стоило ли нам, отодвинув Эдипов комплекс, создавать культуру с феноменом Телемака, не собирающегося убивать своего отца, а ищущего его и помогающего осуществить справедливость? «Телемак становится взрослым и прощается с детством, не прибегая к помощи Зигмунда Фрейда», – иронично замечает Тессон [8, с. 70]. Может быть,

наша история шла бы какими-то другими дорогами? Но нам, поверившим Фрейду, достались тоска и скука. Фишер будет говорить о погашенном оптимизме и активизме 60-х годов, видя в этом угасании основную проблему современного ему мира.

Здесь вернемся к метафоре плоскости и складки. Пространство и время обнуляется в растягивании ландшафта, выравнивании поверхности и одновременном складывании, стягивании времен. Илья Эренбург в 20-е годы пишет эссе «Виза времени» [11].¹ Первая запись. Он пишет из Берлина. Из города, который он не любит, из которого хочется убежать в Париж, Рим, Мадрид. Главной чертой этого города он называет тоску (!). Правда, она не такая всеохватывающая, как в Париже и Риме, но тоска... И скука... (скуку чуть позже будет петь Хайдеггер как возможность философствования, но это уже другой разговор). В Берлине есть коммунисты и национал-социалисты, пишет Эренбург. Они борются друг с другом, и эта реальная борьба позволяет хоть немного надеяться на будущее. Будущее связано с тем, что мы хотим изменять то, что есть. Вопрос, какова будет траектория движения. Но есть и более страшный вопрос: а будем ли мы что-то менять? Импотенция воли, импотенция страсти. Вопрос о будущем в горизонте возможного или невозможного. Уже сто лет назад. Тоска и отсутствие будущего. Правда, сегодня эта тоска и пустота еще более ощутима. Фишер пишет о посткапитализме. Это уже не капитализм, конец которого вообразить сложнее, чем конец света, о чем он пишет в «Капиталистическом реализме» [12, с. 12]. Что тогда, если капитализм сам по себе не преодолит? Что дает приставка «пост-»? Ничего. Фишер постоянно возвращается к термину постмодерн, хотя и постоянно

его критикует, пытается от него уйти. Хотя бы через «пост-».

Термин капиталистический реализм Фишером взят «взаимы» (может быть так «взаимы» Деррида, по его же словам, взял французский язык, чтобы вернуть его в культуру с процентами [13]. Термин появился в 60-е годы, и был производным от соцреализма в пародийном плане. Но что такое пародия? Во-первых, пародия предполагает норму и правила. Во-вторых, (и именно поэтому) она работает с ландшафтом. И если норма и правила отменены, пародия становится невозможной, ее сменяет ирония, которая и будет важной платформой для размышлений о пост-модерне.

Посмотрим, что дает нам это сравнение (пусть пародийное) с соцреализмом. Как-то П.Д. Волкова, говоря о соцреализме, сказала, что он является прямым продолжением православной идеи воплощения в искусстве моментов торжества веры. Только моментов торжества! И радости. Искусство гипертрофирует некоторые стороны религиозного опыта, что, собственно, делает и соцреализм [14, с.271-276]. Что же выражает капиталистический реализм? Идею тотальности капитализма. Речь идет, например, о том, что, в отличие от модерна, постмодерн не имеет своего культурного зеркала – постмодернизма: у модерна есть модернизм как художественный стиль, у постмодерна – нет. Он есть ВСЕ. Он абсолютно безландшафтный. Плоскостной. Эту идею развивал Джеймисон, говоря о тождестве капитализма и культуры (на Джеймисона чаще всего и ссылаются в этом вопросе [15], ее выражал еще Хайдеггер, говоря о том, что искусство вдвигается в эстетику, культура – в культурную политику [16, с. 42]. Искусство и культура постепенно подшиваются ко всему, в том числе к науке и технике, а значит (это уже добавим мы) и к экономике. В общем, можно сказать, что сегодня это уже общее ме-

¹ Примерно в это же время Бенямин пишет свой «Московский дневник», но описывает совершенно другие впечатления.

сто. Этой же идеи придерживается и Фишер, но идет дальше, подчеркивая, что именно культура создает человека, потребного капитализму, который связан с этим обществом накрепко, человека «вечного капитализма», человека, неспособного к изменениям. Уже Беньямин пишет о том, как кинематограф изменяет внимание человека, фактически крадет его, заставляя бежать вослед кадру. Джеймисон говорит о том, как влияют на человека разные виды искусства, в том числе архитектура. Он описывает отель Вестин Бонавентура архитектора Джона Портмана, который называют одним из первых архитектурных символов постмодерна. Его удивляет полное отсутствие глубины (отсутствие ландшафта!), что он замечал в постмодернистском искусстве в целом, но архитектура ведь работает с объемами! Она должна быть ландшафтной по определению! Здесь же все есть поверхность, что очень хорошо передают многочисленные зеркала. Джеймисон называет их стеклянной кожей здания, создающей впечатление отталкивания, «аналог которому мы находим в отражающих солнечных очках, которые не позволяют вашему собеседнику видеть ваши глаза, а потому добиваются определенной агрессии по отношению к Другому и власти над ним. ... Подобным образом стеклянная кожа добивается специфического де-локализованного отделения Бонавентуры от его района: это даже не экстерьер, поскольку, когда вы пытаетесь посмотреть на внешние стены отеля, вы не можете увидеть сам отель, но видите только искаженные образы всего того, что его окружает» [15, с. 150]. И далее: «Мне хочется сказать, что такое пространство больше не позволяет нам использовать язык объема или объемов, поскольку их невозможно оценить». [15, с. 152]. Полная изоляция, закапсулированность, дезориентация. Изолированный индивид, находящийся на гладкой стеклянной поверхности

странного мира, с которой так легко соскользнуть. Как узнаваем этот типаж дезориентированного человека! Он – везде, и в Англии, и в Германии, и в России. Он полностью детерриторизирован. И его время – день сурка.

Джеффрис пишет о том, что культура, вставая на индустриальные рельсы массового производства, создает человека с измененным восприятием, формирует индивида, который не хочет, да и не может ничего делать для своего будущего, потому что не знает, какое оно. Ведь скорее можно представить конец света, чем конец капитализма. Какая уж тут радость! Таким образом, если соцреализм формировал человека, настроенного на торжество идеи (в том числе идеи будущего), то капиталистический реализм был сориентирован на торжество человека без идеи и без будущего.

Капиталистический реализм, пишет Фишер, – «скорее, это нечто вроде повсюду проникающей атмосферы, обуславливающей не только культурное производство, но и регуляцию труда и образования, действующей в качестве некоей невидимой преграды, блокирующей мысль и действие» [17]. Своеобразный культурный паралич. Если человек, «впечатленный» миром, впустивший в себя его многообразие, мог потом и «напечатлеть», как говорил Хайдеггер, на этот мир свои образы, то человек, у которого индустриально оформленные механизмы психологического воздействия «крадут» впечатления, взгляд, слова, становится пустым, а эта пустота уже не может быть заполнена ничем.

И опять складка времени: о том, что чрезмерная склонность к искусству свидетельствует об упадке, пишет в еще в XIV веке Ибн Хальдун, создавший интересную циклическую теорию подъема и упадка народов. Арабский философ указывает на еще одну важную черту: изнеженность и избыточная эстетизация жизни, предпочтение

искусства ремеслу приводит к угасанию асабийи (в переводе это слово означает спаянность, единение). Племена ослабевают, растет эгоизм. А один человек выжить не может. Эгоизм – путь к упадку. Так было всегда [18]. Это – «неизменные величины человеческой души» [8, с. 38].

Значит, можно предположить, что если общество эстетизируется тотально, то оно находится на грани упадка. Или спада по крайней мере, который в силу усиления настроений ресентимента иногда принимают за свободу творчества. С констатации этого, вероятно, начинается путь Фишера от капиталистического реализма к кислотному коммунизму. С необходимостью выхода из замкнутости, которую он называет вампирским замком. И опять – карта, плоскость, глобус попал под автобус. Стяжка времен и пространств.

«Насаждаемый неолиберализмом императивный индивидуализм был новой формой индивидуализма, возникшей в противовес различным формам коллективизма, которые были в ходу в 1960-е. Задачей нового индивидуализма было одновременно и перебороть эти формы, и заставить нас их забыть»¹ [17]. Ох, как верно и хорошо! «Таким образом, эти коллективные формы надо не вспоминать, а скорее *раззабывать* (*unforgetting*) – возвращая тем самым некогда изгнанный «призрак свободного мира». Я называю этот призрак «кислотным коммунизмом» [17].

И опять на плоскости глаз и воображение захватывают маргиналии начала первого тысячелетия. Августин, который рассуждает о памяти [20, с. 249-250]. Он говорит о том, что

память изменяет события. То, что грустно – становится радостным, а радостное может быть охвачено грустью. Но есть странное состояние, когда нельзя забыть, что ты забыл. С ударением не на «что», а на «забыл». Это необъяснимое беспокойство, важное для души. Возможно, именно так случается раззабывание, о котором пишет Фишер.

«Идея кислотного коммунизма – одновременно и вызов, и обещание. Пишет Фишер, – Это своего рода шутка, но цель у нее очень серьезная. За этим термином скрывается нечто, что некогда казалось неизбежным, а ныне кажется невозможным: слияние классового сознания, социал-феминистского роста самосознания и психоделической культуры; сращение новых общественных движений с проектом коммунизма; эстетизация повседневной жизни в невиданных ранее масштабах» [17]. Мы еще вернемся к этому пассажи, некоторые идеи которого нас смущают, но пока двинемся дальше.

Кислотный, наверное, потому что, как и кислота, должен разжесть рубцы подшивания.

Надо выбирать из вампирского замка и двигаться в сторону другого. Чего? Непонятно. Наверное, это то, что Фишер, называя кислотным коммунизмом, так и не успел прописать. Но важно одно: он ищет позитивный смысл. Кислотный коммунизм включает в себя реальные процессы и мечты. Фишер цитирует Майкла Хардта: «позитивный смысл коммунизма, который согласуется с идеей уничтожения частной собственности, состоит в самостоятельном создании нового человечества: нового способа видеть, слышать, мыслить, любить» [17].

По сути дела он говорит о новом субъекте. Точнее – о его необходимости. «Необходимый субъект, то есть коллективный субъект, не существует, хотя кризис, как и все остальные глобальные кризисы, с которыми мы име-

¹ Более того, под задачу создана целая индустрия и работают научные институты и СМИ. Подробно об этом можно прочесть в книге Д... «Тавистокский институт» [19]. А в набросках «Кислотного коммунизма» Фишер цитирует Эллен Уиллис: «задача СМИ – манипулировать нашими фантазиями, чтобы покупка товаров ассоциировалась у нас с самореализацией» [17].

ем дело, требует, чтобы он был сконструирован» [12, с. 119].

Фишер говорит о классах и классовом сознании, что довольно неожиданно. О необходимости его формирования. Эта тема почти табуирована. «Классовое сознание хрупко и поверхностно. – пишет он. – Мелкая буржуазия, господствующая в академии и культурной индустрии ... делает вид, что говорить об этом — ужасная наглость, нарушение этикета. Я выступал на левых, антикапиталистических мероприятиях годами, но я редко говорил или меня редко просили говорить о классе публично» [21]. И далее: «само упоминание о классе теперь автоматически рассматривается так, как будто кто-то пытается принизить значение вопросов расы и гендера. В действительности же дело обстоит с точностью до наоборот — вампирский замок использует в конечном счете либеральное понимание расы и гендера, чтобы скрыть класс» [21].

Фишер пишет об искусственном создании среднего класса, которого на самом деле могло и не быть. Это прокладка между самыми богатыми и самыми бедными, которая легитимизирует существование как первых, так и вторых. Искусственно подкормленные, представители среднего класса сегодня попадают в незавидную ситуацию: они начинают сползать в нижние слои населения. Гиперпотребление, к которому был приучен этот искусственный средний класс, уже невозможно. И его уже никто поддерживать не собирается. Вот уже и почти порог революционности, о которой говорит Фишер, да и не только он. Пока идут процессы уничтожения среднего класса, которые именуются по-разному разными авторами: бразилизация (У. Бэк), патагонизация (К. Шваб), плебеизация (П. Андерсон), распределение по разным антропологическим видам и т.д.

Конечно, главной мишенью «хозяев» вампирского замка является мо-

лодежь, та социальная группа, которая больше всего должна быть нацелена на понимание будущего. именно поэтому захват молодежи – главная задача любой идеологии. «Забрать» детей – это забрать будущее. «Можно надеяться, что со временем любой сумеет убедить каждого в чем угодно, если успеет заставить своего слушателя довольно юным и государство снабдит его достаточными денежными средствами и материальным снаряжением», – цитирует Эстулин Бертрана Рассела [19].

«Вампирский замок питается энергией, тревогами и уязвимостью молодых студентов, но в основном он живет за счет того, что конвертирует страдание отдельных групп — чем маргинальнее, тем лучше – в академический капитал» [21]. Это очень серьезный тезис, который может быть и серьезным обвинением академическому сообществу. А разве наша академия не ответственна за аморфность и апатичность нашего студенчества? Вопрос риторический. Ответ очевиден. Да, ответственна.

Таким образом, мы получаем в неолиберальной идеологии механизм подавления каких-либо стремлений к переменам, так как их невозможно осуществить без социальной силы, превышающей силу одного конкретного индивида. Но индивида держат в капсуле, которая герметизируется еще и насаждаемым чувством вины¹. Вампирский замок специализируется на том, чтобы пропагандировать вину, пишет Фишер. Чувство вины формирует неосознанное желание дистанцироваться от социальной группы, которую обвиняют в ответственности за все неприятности в обществе, и запирает человека в капсуле социального одино-

¹ Кстати, чувство вины насаждается не только индивиду. Например, усиленное разжигание чувства коллективной вины у немцев после Второй Мировой войны привело к новому всплеску идей очередного Рейха. Последствия этого нам еще до конца не ясны, но, очевидно, они дадут о себе знать.

чества. Одиночество в толпе, так часто описываемое в научной, философской и художественной литературе, отчасти тоже следствие этой технологии работы с массовым и индивидуальным сознанием. Конечно, все не так однозначно, но суммарный эффект разных факторов дает просто сногшибательный результат.

Ситуация ресентимента обозначает себя и в области экономики, получившей название либидинозной. Мы сейчас не будем останавливаться на собственно экономических аспектах проблемы. Это не наш вопрос. Нас интересуют социальные механизмы. Экономика перестает быть производщей, говорят ее теоретики, потому что желание не приносит удовлетворения в результате. Опять база ресентимента. Результат не значим. Следовательно, даже отчуждение не происходит. Нечему отчуждаться. Не с чем бороться. Но тогда нет и возможности самопознания, рефлексии, о-сознания своих сил и возможностей. Сила желания увеличивается при невозможности его удовлетворить, и тогда, от бессилия, желание начинает ослабевать, наступает невозможность желать. Или это переизбыток желания? Интересно: книга Джеффриса «Все. Всегда. Везде» начинается с обращения к рекламе художницы Дженни Хольцер на Манхеттене: «Защити меня от того, что я хочу» [7, с.6]. Желание желания и страх перед его тотальностью охватывает человека постмодерного капитализма. Это мотив, проходящий практически через все постмодернистские тексты. От классического – желание в горизонте нехватки, до нового – желание как импульс, интенция, толчок к движению.

Фишер констатирует: в ситуации невозможности желания нет позитивного проекта критики/преодоления капитализма. Фишер пишет о необходимости встряхнуть представителей рабочего класса. Все так, но проблема в том, что в ситуации индивидуализа-

ции и полной социальной и культурной изоляции класс представляет собой не что иное, как просто собрание единиц, «...бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1+1», – как будет писать Бодрийяр [22, с.10]. В этой ситуации сознание, теряющее силу «со» становится просто знанием о дне сурка. Сознание класса можно взбодрить только извне, из точки внеаходимости. При этом имманентность рушится. Возникает ландшафт. Во всяком случае, маячит. Но выход в ландшафт из плоскости – это как высадка на Луну. Это уже неведомое, опасное, страшное, отталкиваемое. Желание без реализации. Так как желание в его реализации требует удовольствия, а продолженное желание, незавершенное желание – это желание страдания. Люди не знают, чего они хотят, полагает Фишер, как и многие другие авторы. И не только потому, что желание у людей уже есть, но скрыто от них (хотя часто именно так и бывает). Скорее, наиболее сильные формы желания представляют собой именно стремление к чему-то странному, неожиданному, загадочному. А такие вещи могут создавать только художники и профессионалы медиа, которые умеют давать людям нечто отличное от того, что их уже и так удовлетворяет. Но как что-то сделать, если субъект деконструирован, автор умер, любая форма целеполагания отъята от человека? Капиталистический реализм объявляет о своей победе в ситуации пост-капитализма. Ситуация отчасти повторяет то, что описывает Бауман в работе «Законодатели и интерпретаторы»: творческая элита попадает в зависимость от капитала в стремлении сохранить комфорт и уровень жизни [23]. «Прцветание» и «комфорт» – вот горизонт, который открывает перед нами герой (довольно серенький) нашего времени Марк Цукерберг. Изобретатель новой версии нарциссовой лужи (Facebook) заявил об этом в своей речи перед студентами Гарвардского университета»,

– с горькой иронией пишет Сильвен Тессон [8, с. 84]. Уточним: перед студентами («мы заберем ваших детей»), перед новой будущей элитой, которая претендует на то, чтобы открывать новые горизонты.

Постепенно, при погружении в атмосферу тоски, безбудущности и одиночества, становится понятно, почему в описание кислотного коммунизма у Фишера попадает психоделическая, наркотическая тематика (про феминистские штудии говорить не будем, это отдельная песня). Прорвать скорлупу изолированности и одиночества практически невозможно. А при сломе механизмов культуры (искусство, научный поиск и «эврика!», молитва – в общем, все то, что выработало человечество за тысячелетия своего существования) расширение горизон-

тов сознания становится возможным только с привлечением наркотических препаратов. Психоделика – крайнее выражение немощности. Даже такой достаточно оптимистично-реалистичный философ как Фишер упирается в стену, попадает в замкнутый круг.

Выводы

Фишер – прекрасное зеркало проблем нашей отечественной культуры и особенно нашей академической среды. И прекрасная возможность поиска вариантов создания новых парадигм мысли и деятельности. Если мы еще не знаем, что нам нужно и по какой тропинке идти, то, читая Фишера, мы можем лучше понять, какая тропинка – не наша и как выйти на столбовую дорогу мысли. Все начинается с первого шага. И если идешь, то иди прямо.

Список литературы / References

1. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.

J-F Lyotard The Postmodern Condition: F Report on Knowledge: per. from Fr. N. A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia, 1998. – 159 p.

2. Гирц К. Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры/ Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. – СПб.: «Университетская книга», 1997. – с. 171-200.

Geertz C. Saturated description": in search of an interpretive theory of culture / Anthology of Cultural Studies, Volume 1: Interpretations of Culture. – SPb: "Universitetskaya kniga", 1997. – p. 171-203.

3. Деррида Ж. Страсти по «Фрейду» // Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только/Пер, с фр. Г. А. Михалкович.— Мн.: Современный литератор, 1999.— 832 с

Derride J. Freudian passions About a postcard from Socrates to Freud and more: Per, from Fr. G. A. Mikhalkovich. – Mn.: Sovremenniy Literator, 1999. – 832 p.

4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – Пер. с франц. С.Н. Зенкина, Москва: Академический проект, 2009. – 261 с.

Deleuze J., Guattari F. What is Philosophy? – Per. with French. S.N. Zenkin, Moscow: Academic Project, 2009. – 261 p.

5. Библер В. С. Культура. Диалог культур: (опыт определений) / В. С. Библер // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.

Bibler V. S. Culture. Dialogue of cultures: (experience of definitions) / V. S. Bibler // Voprosy filosofii. – 1989. – № 6. – P. 31-42. (In Russ.)

6. Фишер М. Посткапиталистическое желание. Последние лекции / под ред. и с предисл Мэтта Кохуна – пер с англ.: Дмитрий Безуглов, Лена Сон. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. – 216 с.

Fischer M. Postcapitalist Desire. The Last Lectures / ed. and with a foreword by Matt Cohoon – translated from English:

Dmitry Bezuglov, Lena Son. – Moscow: Ad Marginem Press, 2024. – 216 p.

7. Джеффрис С. Все, всегда, везде: как мф стали постмодернистами / Стюарт Джеффрис: пер. с англ. А. Снигириов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 368 с.

Jeffries Stuart. Everything, all the time, everywhere. How we become post-modern: trans. from English by A. Snigirov. – Moscow: Ad Marginem Press, 2023. – 368 p.

8. Тессон. С. Лето с Гомером / Сильвио Тессон: пер. с франц. Сергей Рындин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2019 – 168 с.

Tesson. S. Summer with Homer / Silvio Tesson: per. s franc. Sergey Ryndin. – М.: Ad Marginem Press, 2019 – 168 p.

9. Гройс, Борис (2015). *О новом: Опыт экономики культуры*. М.: Ад Маргинем Пресс, 215. – 240 с.

Groys, Boris (2015). *On the New: The Experience of the Economics of Culture*. М.: Ad Marginem Press, 215. – 240 p. (In Russ.)

10. Лиотар, Ж.-Ф. *Либидинальная экономика* / пер. с фр. В.Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С.Л. Фокин. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 472 с.

Lyotard, J.-F. *Libidinal Economy* / translated from French by V.E. Lapitsky; scientific editorial translation by S.L. Fokin. – Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. – 472 p.

11. Эренбург И.Г. *Виза времени: [Путевые очерки]*. Берлин: Петрополис, 1929. – 370 с.

Ehrenburg I.G. *Visa of Time: [Travel sketches]*. Berlin: Petropolis, 1929. – 370 p. (In Russ.)

12. Фишер Марк. *Капиталистический реализм. Альтернативы нет?* / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультра-культура 2.0, 2010. 138 с. <https://fb2.top/kapitalisticheskiy-realizm-270733/> (дата обращения: 15.09.2024)

Fisher M. *Capitalist Realism. Is There No Alternative?* Trans. From English by D. Kralechkin. М.: Ultra-culture 2.0, 2010. С. 138 p. // <https://fb2.top/kapitalisticheskiy-realizm-270733/> / (accessed: 15.09.2024)

13. Деррида Ж. Последнее интервью <https://idavirus.livejournal.com/52458.html/> (дата обращения: 02.09.2024) Derrida J. *The Last Interview* / https://idavirus.livejournal.com/52458.html / (accessed: 02.09.2024)

14. Волкова Паола, *Мост через бездну*. – ЗебраЕ, 2014 – 304 с.

Volkova Paola, *Bridge over the abyss*. – ZebraE, 2014 – 304 p. (In Russ.)

15. Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма* / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А.Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.—808 с.

Jamieson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. / trans. From English by Kralechkin; under the scientific editorship of A. Oleynikov. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019 – 808 p.

16. Хайдеггер М. *Время картины мира* // *Время и бытие: ст. и выступления* / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.

Heidegger M. *Time of the world picture* // *Time and Being: articles and speeches* / M. Heidegger; composed, translated from German, introduction, commentary and op. cit. B. V. Bibikhin. – М.: Respublika, 1993. – P. 41–62.

17. Фишер М. *Кислотный коммунизм. «Призрак свободного мира»* / пер. с англ. М. Ермаковой / *Неприкосновенный запас*. 134. (6/2020) – [стр. 13-35 бумажной версии номера] <https://magazines.gorky.media/nz/2020/6/kislotnyj-kommunizm-nedopisannoe-predislovie.html> (Дата обращения 25.09.2024)

Fischer M. *Acid Communism (underwritten preface)* / per. from Engl. M. Ermakova / *Untouchable reserve*. 134. (6/2020) – [pp. 13-35 of the paper version of the issue]. <https://magazines.gorky.media/nz/2020/6/kislotnyj-kommunizm-nedopisannoe-predislovie.html> / (accessed: 25.09.2024)

18. Ибн Халдун, *Введение (ал Мукаддима)* / Сост., пер. с арабского и прим. А.В. Смирнова // <https://moreknig.org/reader/283139/page/4/> (дата обращения: 15.09.2024)

Ibn Khaldun, Introduction (al-Muqaddima) / Compiled, translated from Arabic and ed. by A.V. Smirnov // <https://moreknig.org/reader/283139/page/4/> / (accessed: 15.09.2024)

19. Эстулин Д. Тавистокский институт. – Минск: Попурри, 2014. – 368 с.

Daniel Estulin. Tavistock Institute. – Minsk: Popurri, 2014. – 368 p.

20. Августин А. Исповедь Пер. с лат. М.Е. Сергеевко – М.: Ренессанс. СП ИВО – Сид, 1991. – 448 с.

Augustine A. Confession. M.E. M.: Renaissance. SP IVO-CID, 1991. – 448 p.

21. Фишер Покидая Вампирский замок / пер. с англ. Дмитрия Райдера / <https://rabkor.ru/columns/editorialcolumns/2014/02/04/vampire-castle> (дата обращения: 10.09.2024)

Fisher Leaving the Vampire Castle translated from English by Dmitry Ryder/ <https://rabkor.ru/columns/editorialcolumns/2014/02/04/vampire-castle> / (accessed: 10.09.2024)

22. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального: пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 95 с.

Baudrillard J. In the shadow of the silent majority Baudrillard J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social: transl. from French / J. Baudrillard. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. – 95 p.

23. Бауман З. Законодатели и толкователи [Электронный ресурс]: культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман. – <https://magazines.gorky.media/nz/2003/1/zakonodateli-i-tolkovateli.html> (дата обращения: 15.09.2024)

Bauman Z. Legislators and interpreters [Electronic resource]: culture as an ideology of intellectuals / Z. Bauman / <https://magazines.gorky.media/nz/2003/1/zakonodateli-i-tolkovateli.html> / (accessed: 15.09.2024)

Информация об авторе

Терещенко Наталья Анатольевна, докт. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 56933802100; ORCID ID 0000-0002-3084-6926, e-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Information about author

Tereshchenko Natalya Anatolievna, Doctor of Philosophy, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 56933802100; ORCID ID 0000-0002-3084-6926, e-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Поступила в редакцию 09.10.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Received 09.10.2024; Accepted 12.12.2024.